

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
ORIENTAL COMMISSION OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Vol. XXXIV

Central Asia
and Far East

Edited by
I.F. Popova, T.D. Skrynnikova

MOSCOW
“VOSTOCHNAYA LITERATURA” PUBLISHER
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXXIV

Центральная Азия
и Дальний Восток

*Под редакцией
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2013

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
С83

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра РАН*

**Страны и народы Востока / Ин-т восточных рукописей РАН ;
Вост. комиссия РГО. — М. : Вост. лит. — 1959—.**

**Вып. XXXIV : Центральная Азия и Дальний Восток / под ред.
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. — 2013. — 374 с. — ISBN 978-
5-02-036542-1 (в пер.).**

В очередной выпуск продолжающегося издания вошли статьи по вопросам истории, этнографии, культуры стран и народов Востока. Рассматриваются различные аспекты распространения буддизма и положения буддистов в Монголии, публикуются материалы по этнографии народов Центральной Азии и Дальнего Востока, исследуется история литературы и искусства в Китае, Монголии и Бурятии. В разделе «Люди и судьбы» рассказывается о жизни и творчестве известных российских востоковедов — Ч.Ч. Валиханова и М.И. Тубянского.

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Редакционно-издательское оформление.

Издательская фирма «Восточная литература»,
2013

ISBN 978-5-02-036542-1

М.Н. Кожевникова

**УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА НАУК МНР
М.И. ТУБЯНСКИЙ**

С 1930 по 1936 г. ученым секретарем Комитета наук Монголии был российский востоковед, индолог, буддолог, монголовед Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937). Его жизнь, как и многих других российских востоковедов, трагически оборвалась в самом расцвете творческих сил: в 1937 г. он был арестован и расстрелян. В опубликованном наследии М.И. Тубянского всего около 20 работ, но, судя по ряду свидетельств, именно в десятилетие жизни в Монголии (с 1927 по 1936 г.) М.И. Тубянский подготовил еще несколько публикаций, из которых особенно важной было исследование тибетского трактата «Ламрим ченмо» Цонкапы. Однако большая часть рукописей ученого пропала в связи с его арестом. Публикаций о самом М.И. Тубянском очень немного¹. В данной статье, основанной на материалах петербургских архивов, мы попытаемся проследить судьбу этого ученого, показать, какие пути привели его в Монголию, что ему удалось сделать как исследователю и ученому секретарю Комитета наук МНР за годы жизни в Монголии.

Учеба в университете: 1911–1919 гг.

О начале своей жизни и деятельности сам Михаил Израилевич в 1925 г. писал так: «Родился в Петербурге в 1893 г. и в 1911 г. окончил гимназию немецкого реформаторского училища, с обоими древними (имеются в виду латынь и древнегреческий. — *М.К.*) языками. В том

¹ Тубянский Михаил Израилевич // Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 378–379. В статье рассказано о его жизни.

же году поступил в Санкт-Петербургский университет, сначала на физико-математический факультет, а затем, с 4-го курса, перевелся на историко-филологический»². Зарождение и развитие научных интересов М.И. Тубьянского прослеживаются по его юношеской переписке с его первой женой Р.И. Шейнман и немногим сохранившимся личным записям, запечатлевшим становление его философских поисков и социально-политических интересов. Его как еврея глубоко волновала национальная проблема, положение евреев в России. В 1918 г. он состоял секретарем местной еврейской организации — Спасско-Казанско-Адмиралтейского районного комитета Петрограда³. Многие годы Михаил Израилевич был активным членом Еврейского историко-этнографического общества.

Зарождение интереса к Востоку вообще у М.И. Тубьянского происходило под влиянием духовных ценностей поэзии Серебряного века. Особое внимание М.И. Тубьянского привлекла индийская философия, во многом благодаря публикациям в России сочинений Рабиндраната Тагора, имя которого стало популярным после присуждения ему Нобелевской премии в 1913 г.

Участь еще на третьем курсе физико-математического факультета университета, М.И. Тубьянский в число изучаемых предметов наряду с высшей математикой, физикой, химией, ивритом включил санскрит, историю философии и логику⁴. Позднее он начал осваивать живой язык Индии — бенгали и первым осуществил переводы с бенгали на русский Рабиндраната Тагора.

Свой интерес к философии М.И. Тубьянский объяснял глубоко личными мотивами. Он писал: «Что касается философии, то она пригодна, во-первых, как способ самовоспитания. <...> Во-вторых, она пригодна как непосредственная подготовка к деятельности. <...> Наконец, она сама есть и деятельность, и жизнь, и притом высшая жизнь, и высшая деятельность, и высшая во всех смыслах»⁵. В круг его интересов входили прежде всего теория познания и философия религии.

К 1917–1918 гг. окончательно определилось философско-востоковедческое призвание М.И. Тубьянского, что нашло отражение в его индивидуальном учебном плане. Этот план включал три раздела матема-

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 725. Оп. 3. Д. 108. Отчет о работе сотрудника Дальневосточной секции исследовательского института М.И. Тубьянского в 1925 г. и сведения о прежней его деятельности. Л. 2.

³ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 53. Оп. 2. Д. 40. Письма М.И. Тубьянского к Р.И. Шейнман. Письмо от 29.01.1918.

⁴ Там же. Письмо от 2.09.1914.

⁵ Там же. Письмо от 31.03.1915.

тики, три раздела естествознания, три раздела языковедения, со специализацией на санскрите, шесть разделов истории (два из них — по истории Востока) и пять разделов философии⁶.

Формирование его личностных качеств и исследовательских приоритетов происходило на фоне разворачивавшихся в России революционных событий. Начавшиеся глубокие социально-политические изменения поначалу он воспринял с некоторым оптимизмом и надеждой на позитивные перемены в обществе, прежде всего в важном для М.И. Тубьянского национальном вопросе. Однако дальнейшее развитие событий вызвало в нем глубокое беспокойство. В начале ноября 1917 г. он писал: «Положение России сейчас есть небывалая национальная катастрофа, нарастающая с каждым днем и грозящая увлечь в бездну и ряд других стран... О тех ужасных событиях, которые мы переживаем, я еще почти ничего не могу писать, так как этот „миг истории“ еще не кончился и еще нельзя передохнуть»⁷. Тем не менее жизнь продолжалась. В 1918 г. М.И. Тубьянский подал прошение о продлении срока пребывания в университете и в 1919 г. сдал экзамены по своей индивидуальной программе.

Переводческая, преподавательская, исследовательская деятельность: 1920–1927 гг.

По окончании университета М.И. Тубьянский в основном выполнял переводы (с немецкого, английского и итальянского) для «Американского бюро печати», для Итальянской миссии, для Телефонно-телеграфного агентства. Работа переводчика его явно не удовлетворяла, он окончательно понял, что сфера его деятельности — наука. В этот же период происходит близкое знакомство с уже известным ученым, буддологом Ф.И. Щербатским, который стал его учителем в индийской филологии, санскрите, тибетском и буддологии, научным руководителем и вдохновителем в востоковедной работе. Вместе с тем, поскольку М.И. Тубьянский был уже не студентом-юнком, а состоявшейся личностью, заявившим о себе в философской среде Петербурга исследователем, Ф.И. Щербатской относился к нему дружески-уважительно, как к коллеге.

Глубокое уважение к своему учителю явилось одной из главных причин, по которой М.И. Тубьянский не уехал из России в сложное и опасное послереволюционное время. В письме к жене он объясняет

⁶ Там же. Письмо от 10.07.1918.

⁷ Там же. Письмо от 2–3.11.1917.

свое решение таким образом: «Уже из-за него одного мне не имеет смысла уезжать. Это человек, который больше чем кто-либо до него оценил меня, а я его брошу?»⁸.

В этот период М.И. Тубянский не оставляет еще активную общественную деятельность, работает в Еврейском историко-этнографическом обществе, преподает в Еврейском университете в Петрограде. Вместе с тем все больше сил и времени он уделяет востоковедению: в 1920 г. М.И. Тубянского пригласили преподавать бенгали в Институте живых восточных языков (ИЖВЯ), и одновременно он был принят на должность научного сотрудника в Азиатский музей Академии наук. С этого времени его научная работа пошла по двум направлениям: изучение современной литературы (в ИЖВЯ) и изучение индийской истории (Азиатский музей)⁹.

Материальное положение молодого ученого в это время было бедственным. В отчаянии от тяжелых обстоятельств он был близок к тому, чтобы летом 1920 г. все же уехать за границу. С сентября 1920 г. М.И. Тубянский стал получать академический паек по категории «начинающий ученый»; несколько позднее ему, как женатому человеку, добавили еще «семейный» паек¹⁰. Но все равно, чтобы как-то выжить, в этот период ему приходилось часто подрабатывать в разных государственных учреждениях. Так, одно время М.И. Тубянский занимал должность референта иностранной прессы в Бюро информации при Союзе коммун Северной области.

С 1920 г. Ф.И. Щербатской находился в течение трех лет в командировке в Европе, занимаясь закупкой книг и приборов для Академии наук, читал лекции, участвовал в международном съезде ориенталистов в 1923 г. в Лондоне¹¹. М.И. Тубянский попытался также получить заграничную командировку. Он надеялся выехать в Европу и с помощью Ф.И. Щербатского найти работу по интересующей его востоковедной тематике. Ф.И. Щербатской попытался ему помочь и в апреле 1921 г. обратился к неперемемному секретарю РАН, академику С.Ф. Ольденбургу с просьбой направить в помощь ему М.И. Тубянского¹². Но получить заграничную командировку в те годы было очень сложно, и мечта молодого востоковеда не сбылась.

⁸ Там же. Письмо от 10.04.1920.

⁹ ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 108. Отчет о работе... М.И. Тубянского. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 218. Письмо М.И. Тубянского к Ф.И. Щербатскому от 16.02.1922.

¹¹ Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941. М., 1992. С. 112.

¹² ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу от 21.IV.1921.

Оставшись в Петрограде, М.И. Тубянский занялся тибетским языком и самостоятельно изучил бенгали, на тот момент малоизвестный язык не только в России, но и в Европе. К осени 1921 г. М.И. Тубянский уже решился на преподавание бенгали, преимущественно как литературного языка (говорить на нем он не мог). Знания его пяти учеников были проверены летом 1922 г. индологами А.П. Баранниковым¹³ и С.Ф. Ольденбургом: им были выданы нечитанные прежде отрывки из *Rāncatantra* и бенгальские из *Toota-itihās*, с вокабулами, и они успешно справились с заданием¹⁴. Поскольку в России практически не имелось бенгальских книг, М.И. Тубянский составил и издал литографированную бенгальскую хрестоматию со словарем для студентов¹⁵. Тогда же он начал переводить самого выдающегося представителя бенгальской литературы — Рабиндраната Тагора, книги которого на бенгальском, по просьбе М.И. Тубянского, закупал в Европе Ф.И. Щербатской¹⁶. М.И. Тубянский опубликовал несколько своих переводов, в том числе первые переводы произведений Р. Тагора с бенгальского языка на русский¹⁷.

Свое увлечение индийскими языками М.И. Тубянский объяснял жене с прагматической точки зрения: «...индология весьма может пригодиться РСФСР в видах всемирной революции, тем более что я именно собираюсь заняться и уже занимаюсь, между прочим, современными индийскими языками и литературами — в первую очередь важнейшим: бенгальским»¹⁸. Действительно, ИЖВЯ (впоследствии ЛИЖВЯ, затем преобразовавшийся в Ленинградский Восточный институт) по своей специфике был ориентирован не на академическое, а на практическое знание. Наряду с Коммунистическим университетом трудящихся Востока ИЖВЯ был своего рода «кузницей кадров» для

¹³ Баранников Алексей Петрович (1890–1952) — филолог и индолог, академик, основатель школы изучения современных индийских языков в СССР.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 218. Письмо М.И. Тубянского Ф.И. Щербатскому от 16.06.1922.

¹⁵ *Тубянский М.И.* Образцы бенгальской литературы. Пг., 1923 (на бенгали).

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 725. Оп.3. Д. 218. Письмо М.И. Тубянского Ф.И. Щербатскому от 14.05.1922.

¹⁷ *Тагор Р.* Гений Японии. Пг., 1919 (пер. с бенгали М.И. Тубянского); *Тубянский М.И.* Рабиндранат Тагор // Новая Россия. 1922. № 1. С. 71–73; *Тагор Р.* Маленькая поэма в прозе // Восток. 1922. Кн. 1. С. 55–56 (пер. с бенгали М.И. Тубянского); *Чаттерджи Б.Ч.* Индийский национальный гимн (*Bande Mataram*) // Восток. 1923. Кн. 2. С. 3–4 (пер. с бенгали и послесл. М.И. Тубянского); *Тагор Р.* Фрагменты. Пг., 1923 (пер. с англ. яз. М.И. Тубянского совм. с И.Я. Колубовским); *он же.* Воспоминания. М.–Л., 1924 (пер., предисл. и прим. М.И. Тубянского); *он же.* Из «Гитанджали» // Восток. 1925. Кн. 5. С. 45–57 (пер., предисл. и примеч. М.И. Тубянского).

¹⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 2. Д. 40. Письмо без даты (по-видимому, осень 1920 г.).

поддержки национально-освободительных движений в странах Востока, а национальные вопросы, как уже указывалось, в первые послереволюционные годы интересовали молодого ученого¹⁹.

Выпускники института достигали высокого служебного положения в Комиссариате по иностранным делам, Коминтерне и др. Сам М.И. Тубянский участвовал в работе II (1920 г.) и III (1921 г.) Конгрессов Коминтерна в роли редактора переводов. Впрочем, в дальнейшем он не проявлял активности в направлении «практического», т.е. идеологического востоковедения. Оставаясь беспартийным, он тем самым отказался от какой бы то ни было политической карьеры в стране, которую в письмах жене именовал Совдепией.

В Азиатском музее М.И. Тубянский, кроме индийской истории, занимался изучением буддийской теории познания. Именно для изучения классических буддийских трактатов по логике и гносеологии, не сохранившихся в санскритском оригинале и доступных лишь в тибетском и китайском переводах, он начал изучать и эти языки. В ходе работы ему удалось отождествить хранящуюся в Азиатском музее санскритскую рукопись трактата — введения в логику «Nyayapraveshā», сравнив ее с китайским и тибетским переводами, и выяснить, таким образом, остававшийся до тех пор спорным вопрос об авторе этого произведения. Согласно выводам М.И. Тубянского, автором трактата являлся не Дигнага, как утверждали тибетская традиция и Видьябхушана, а Шанкарасвами. Эта рукопись была подготовлена М.И. Тубянским к изданию, с включением китайского и тибетского переводов и составленными им трехязычными индексами логических терминов²⁰, а статья об авторе «Nyayapraveshā» была опубликована в Известиях АН СССР²¹. Одновременно М.И. Тубянский включился в работу по разбору и каталогизации текстов центральноазиатских коллекций Н.Ф. Петровского²², С.Ф. Ольденбурга и других исследователей региона.

Знание китайского, монгольского и особенно тибетского языков пригодилось М.И. Тубянскому при работе с неопубликованным насле-

¹⁹ В архиве М.И. Тубянского (АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 64) в рабочих тетрадях приводятся списки используемой литературы, в которых многие книги посвящены различным аспектам национальной темы, национализму, патриотизму и интернационализму, национальным идеалам, психологии разных национальностей, сионизму и т.п.

²⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 108.

²¹ *Tubiansky M.* On the Authorship of Nyayapraveshā // Известия АН СССР. Сер. 6. 1926. № 9. С. 975–982.

²² Петровский Николай Федорович (1837–1908) — русский дипломат, консул в Кашгаре, коллекционер, передал собранную им в Восточном Туркестане коллекцию рукописей в дар Русскому комитету для изучения Средней Азии, впоследствии она поступила в Азиатский музей Академии наук.

днем академика В.П. Васильева²³. А.И. Востриков писал впоследствии: «С.Ф. Ольденбург, всегда высоко ценивший труды В.П. Васильева, был вместе с Ф.И. Щербатским и М.И. Тубьянским инициатором большого предприятия по разбору рукописного наследия В.П. Васильева, которое выразилось в перепечатке трудов этого ученого на пишущей машинке для их дальнейшей научной разработки»²⁴. Однако «большое предприятие» в реальности выражалось в основном в работе М.И. Тубьянского и его друга И.Я. Колубовского, готовивших к публикации записки и научные тексты академика. И.Я. Колубовский сосредоточился на обработке Пекинского дневника В.П. Васильева²⁵, а М.И. Тубьянский — на тибетологической части его архива: подготовке текста тибетской истории буддийских философских школ Джамьяна Шадбы²⁶.

Делая обзор неопубликованного наследия В.П. Васильева²⁷, М.И. Тубьянский выделил прежде всего «Комментарий к Махавьютпатти» (Буддийский терминологический лексикон) как наиболее крупный труд и отметил также другую, близкую ему философскую проблематику, по которой В.П. Васильев дал, по свидетельству М.И. Тубьянского, «почти сплошь новый для Европы материал». Это была статья об *anatmaka*²⁸, составленная по «Сидданте grub mtha»²⁹ Джамьяна Шадбы, которая представляла доказательство «не-субстанциональности явлений», так называемое «алмазное» доказательство Буддапалиты³⁰, и другой материал — из Джамьяна Шадбы, относящийся к гносеологии. Кроме этого, М.И. Тубьянский отметил статью по буддийской тантре, сделанную на основе выписок из «Этапов мантры» (*Sngags-rim*) Чже Цонкапы, «Обозрение буддийской литературы по школам», с перечнем оригинальных материалов традиций, «Истории буддизма в Индии» Таранатхи, изложение истории буддизма в Тибете по работе Сумба-Хамбо

²³ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — востоковед, китаист, тибетолог, академик Санкт-Петербургской Академии наук, положивший начало российской буддологии. Преподавал и был деканом Восточного факультета СПб университета (1855–1893).

²⁴ Востриков А.И. С.Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Записки Института востоковедения АН СССР. 1934. Т. IV. С. 80.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 775. Оп. 1. Д. 244. Л. 30.

²⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 65.

²⁷ Ольденбург С.Ф., Тубьянский М.И., Щербатской Ф.И. Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского // Доклады АН СССР. Сер. В. 1927. С. 759–774.

²⁸ *Anatmaka* (санскр.) — бессамость, не-Я — принцип, определивший основное направление буддийской философии.

²⁹ *Grub mtha'* — тиб. «воззрения», т.е. история мысли, история воззрений философских школ.

³⁰ Речь идет о логическом доказательстве, используемом в обоснование отсутствия самобития феноменов, или, как сказано здесь, «не-субстанциональности явлений», в буддийской философской теории пустоты.

и перевод «Шаташастры» Арьядевы. Он также проанализировал и высоко оценил магистерскую диссертацию В.П. Васильева «Об основаниях буддийской философии», посвященную разбору, как он выразился, «монгольских Парамит», и в особенности его интерпретацию понятия *шунья* соотносительно с концепцией Абсолюта германской философии.

По-видимому, именно тогда, во время работы над наследием своего предшественника, сформировался интерес М.И. Тубянского к нескольким важнейшим темам: истории буддизма, истории философских школ, буддийской теории пустоты, к авторам Чже Цонкапе, Джамьяну Шадбе и текстам «Шаташастры» Арьядевы, «Истории буддизма» Сумба-Хамбо. Свой интерес он стремился реализовать в последующие годы своей жизни.

Согласно сохранившимся запискам М.И. Тубянского³¹, в 1927 г. он планировал опубликовать в серии *Bibliotheca Buddhica*, в XXV томе, текст «*Нуауаргавеша*» (авторство которого он исследовал), перевод с китайского «Шаташастры» («Сотни строф») В.П. Васильева и собственный перевод «Истории философских воззрений» (*Grub mtha'*) Джамьяна Шадбы.

Кроме напряженной исследовательской работы М.И. Тубянский занимался и научно-организационными вопросами. В архиве ученого сохранился черновик «Положения о Научно-исследовательском институте при Ленинградском Институте живых восточных языков»³², в котором он определяет основные отделы будущего подразделения (Индийский — народы Индии; Центральноазиатский — Бурятия, Монголия, Тибет, и т.д.) и принципы формирования кадрового состава его сотрудников. В 1927 г. М.И. Тубянский выступил как один из инициаторов и организаторов (вместе с академиками С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским) создания Института буддийской культуры (ИНБУК)³³. Именно он вел основную работу по подготовке к открытию этого учреждения.

Монголия: 1927–1936 гг.

Первое, что хотелось бы понять, переходя к описанию монгольского периода деятельности М.И. Тубянского, — почему он приехал в Монголию? Было ли это случайностью? Отправился ли он по воле

³¹ АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 64.

³² Там же. Д. 19.

³³ *Щербатской Ф.И., Ольденбург С.Ф., Тубянский М.И.* Институт изучения буддийской культуры (Объяснительная записка к проекту учреждения при АН СССР Института изучения буддийской культуры) // Известия АН СССР. Серия 6. 1927. № 18. С. 1701–1704.

других людей (Ф.И. Щербатского или С.Ф. Ольденбурга) или каких-то обстоятельств? Нет, определенно нет. Он сам хотел и даже добивался этой поездки. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо С.Ф. Ольденбургу³⁴, в котором содержалась просьба о командировке в Монголию и ее мотивация. Основной причиной явилось желание заняться серьезной научной работой: «С совершенно персональной точки зрения поездка мне просто необходима, т.к. она, помимо всего прочего, позволит мне вполне и беспрепятственно сосредоточиться на полученной работе — а это — увы! — такая вещь, о которой я, со времени начала моей востоковедческой работы, совпадающей с началом революции, мог только мечтать донныне». Второй причиной являются, на наш взгляд, семейные проблемы. В 1927 г. он женился на студентке ЛИЖВЯ, своей ученице, которой он преподавал бенгальский язык, Нине Аркадьевне Бухариной, из-за чего возникли сложности в общении с его прежней семьей и кругом близких знакомых³⁵. В сложившихся обстоятельствах, притом что Н.А. Бухарина, как и М.И. Тубянский, мечтала о востоковедной работе, отъезд в Монголию был прекрасным выходом. В Монголии Н.А. Тубянская также работала в Ученом комитете (сокр. Учком; с 1929 г. — Комитет наук), где заведовала музеем. В Монголии у Тубянских родилась дочь Ника.

В числе научных задач, которыми, как пишет М.И. Тубянский в письме к С.Ф. Ольденбургу, он хотел заняться в Монголии, стояло изучение «под надлежащим руководством» буддийских учителей (которое ему обещал устроить Агван Доржиев³⁶) «Истории философских школ» Джамьяна Шадбы. Значение этого текста выявила работа с наследием В.П. Васильева. По мнению М.И. Тубянского, «он содержит богатейшие сведения, прямо энциклопедию буддийской и отчасти и брахманской философии и будет иметь, после своей *mise en valeur*³⁷, большое значение и для всей индологии». Кроме того, в Монголии М.И. Тубянский планировал изучить все «устройство и литературу цанидов» (т.е. «философских факультетов») и еще шире — культуру буддийских университетов в целом. Это письмо М.И. Тубянского дает

³⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 593. Письмо М.И. Тубянского к С.Ф. Ольденбургу от 27.01.1927.

³⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 2. Д. 36. Письма М.И. Тубянского к Н.А. Доббелът (Бухариной).

³⁶ Хамбо-лама Агван Доржиев (1853/54–1938) — бурятский лама, религиозный и политический деятель, дипломат. В 1920–1930-х годах выступал в роли неофициального представителя Тибета в СССР. Был учителем XIII Далай-ламы Тибета, оказывал помощь и поддержку российским ученым в исследованиях буддийской культуры и региона Центральной Азии.

³⁷ Доработки, усовершенствования (франц.).

основание полагать, что Монголия была собственным осознанным выбором ученого.

Правда, первоначально свою исследовательскую деятельность в этом направлении М.И. Тубянский предполагал начать с изучения монастырей Бурятии, пройдя необходимый (достаточно долгий) период подготовки при поддержке того же Агвана Доржиева, и только затем отправиться в Монголию. Однако руководство Академии наук командировало туда других учеников Ф.И. Щербатского — А.И. Вострикова и Е.Е. Обермиллера, а М.И. Тубянский был направлен в 1927 г. в Монголию «для исследования быта монголов по материалам монгольских монастырей и тибетской философской и научной литературы»³⁸. Уезжая из Ленинграда, М.И. Тубянский оставлял не только Азиатский музей (и Институт буддийской культуры), но и преподавательскую работу в ЛИЖВЯ и университете. Что же он нашел в Монголии?

Работу М.И. Тубянского в Учкоме кратко охарактеризовал Ц.Ж. Жамцарано в письме к С.Ф. Ольденбургу в 1928 г.: «У нас работает Тубянский над составлением индексов буддийских философских терминов и ведет курс санскрита с группой лам. Содержание получает от Учкома вне штата. Было бы желательно, чтобы он имел возможность закончить курс и продлить составление индекса. Не может ли Академия наук дать ему научную командировку до января 1930 года, а в крайнем случае до осени 1929 года». Далее Ц.Ж. Жамцарано обосновывает желательность постоянного пребывания «такого научного сотрудника, который бы вел курс санскрита и знал бы иностранные языки», и предполагает, что «Тубянский, Востриков, Обермиллер и др. могли бы сменять друг друга», если бы в штаты удалось включить одного ученого лингвиста-буддолога³⁹. Сам М.И. Тубянский тоже обратился в феврале 1929 г. в Монгольскую комиссию АН СССР с просьбой продлить ему командировку⁴⁰. Его прошение было удовлетворено, и он проработал в Монголии до 1936 г. Первый отчет о работе ученого в Монголии был опубликован в «Осведомительном бюллетене» Комиссии экспедиционных исследований АН СССР в 1929 г.⁴¹.

Последующие годы работы М.И. Тубянского в Учкоме пришлось на сложный период во внутривосточной жизни Монголии. В 1929 г.,

³⁸ Юсунова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 92.

³⁹ Цит. по: Реуцтов А.М. О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // *Oriens*. Вып. 2–3 / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. СПб.: Утпала, 1998. С. 79–80.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 4. Д. 108. Краткая предварительная опись научным работам и материалам М.И. Тубянского, найденным или обработанным в МНР.

⁴¹ Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. 1929. 20 апр. № 9 (70). С. 72–74.

после VII съезда МНРП, где был осужден так называемый правый уклон в партии, его лидеры — представители национально-демократических сил страны, сторонники умеренного, «эволюционного» развития Монголии, представители в основном монгольской интеллигенции, были отстранены от власти. На ключевые партийные и государственные посты пришли так называемые левые, приверженцы радикальных мер и методов социального переустройства Монголии.

Своей тревогой о состоянии дел в Учкоме в 1929 г. поделился Ц.Ж. Жамцарано в письме к Б.Я. Владимирцову⁴²: «Что останется в конце концов от Учкома — Аллах ведает... Останемся ли я лично и Жамьян-гун, неизвестно. Есть надежда, что Учком как научно-исследовательское учреждение будет сохранен, но будет подвергнут радикальной реорганизации в личном составе и в смысле сближения с революционной общественностью. Весьма остро стоит вопрос о научной смене»⁴³. Ц.Ж. Жамцарано, горячо переживая за судьбу первого научного учреждения Монголии, даже предполагал, ради спасения собранных культурных ценностей и самой научно-исследовательской деятельности Учкома, «теснее связаться с Академией наук», образовав «нечто вроде акционированного научного учреждения», и, может быть, создать «смычку» благодаря открытию некоего «филиала Академии наук или Института Буддологии» и «путем договора установить тесный контакт с Учкомом с правом руководства и инструктирования научной деятельности Учкома до тех пор, пока из среды самих монголов не появятся свои квалифицированные научные сотрудники». Ц.Ж. Жамцарано очень надеялся обсудить свой замысел с С.Ф. Ольденбургом, ожидая обещанного визита последнего в Монголию. Но, к сожалению, С.Ф. Ольденбург не смог приехать, и Ц.Ж. Жамцарано решил попытаться донести этот план до непременно секретаря Академии наук через Б.Я. Владимирцова.

Для Ц.Ж. Жамцарано, как известно, 1929 год стал последним годом секретарства в Учкоме. В 1930 г. он был исключен из МНРП за «правый» уклон и снят с должности ученого секретаря. До своего отъезда в Ленинград в 1932 г. Ц.Ж. Жамцарано работал рядовым сотрудником Ученого комитета. Новым председателем Учкома в 1930 г., после смерти О. Жамьяна, стал бывший премьер-министр Монголии (1928–1930) А. Амар. На пост ученого секретаря был приглашен М.И. Тубянский. Ученый провел в Улан-Баторе еще шесть лет, сочетая адми-

⁴² Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931) — востоковед, монголовед, академик, специалист в области монгольского языкознания, литературы, а также истории и этнографии монгольских народов.

⁴³ *Решетов А.М.* О переписке Ц.Ж. Жамцарано. С. 86.

нистративную работу со своими личными профессиональными интересами.

Как ученый М.И. Тубьянский продолжил решение научных задач, которые являлись целью его поездки Монголию, и буквально «погрузился с головой» в море буддийских текстов в крупнейшем монгольском монастыре Гандан. В ходе работы он открыл новых для себя авторов, представлявших важнейшие авторитеты в традиции (как, например, Лондол-лама в традиции Гелуг), и наиболее значимые тексты — словари буддийской терминологии, обзоры философских школ, философские трактаты. Первым значимым результатом знакомства с текстами стали материалы к словарю буддийской терминологии: большая картотека, приблизительно 40 тыс. карточек, содержащих тибетские слова с монгольскими переводами, взятыми из наиболее надежных источников: «Дави-од», «Гад-ши шанчжар» и др. М.И. Тубьянский предполагал перевести все слова на русский и по возможности на английский языки⁴⁴.

Но самое главное, что, по-видимому, открыл для себя в монастыре Гандан М.И. Тубьянский, — философия мадхьямаки-прасангики в изложении школы Гелуг, в особенности ее основателя Чже Цонкапы (монг. Зонкавы), которая заинтересовала его еще в период работы с архивом В.П. Васильева. Михаил Израилевич решил взяться за главный труд Цонкапы — «Этапы пути к Пробуждению» (*Ламрим*), очень трудный в философском плане, содержащий обширное изложение философских позиций мадхьямаки-прасангики в соотношении с позициями других школ. В своем отчете М.И. Тубьянский обозначил сделанную работу так: «Ламрим Дзонкавы. Догматика и философия ламаизма в наиболее авторитетном изложении основателя желтошапочного ламаизма. Мною подготовлен черне перевод, комментарии и словарный указатель»⁴⁵.

Кроме того, М.И. Тубьянскому, как он пишет в своем отчете в Монгольскую комиссию, удалось обнаружить в монастырских библиотеках «санскритские книги и рукописи, содержащие тексты, донныне нигде, в том числе и в самой Индии, не найденные, но представляющие значительный интерес для индологии». Это были философские сочинения, прежде всего тексты Нагарджуны, основателя философской системы мадхьямаки, и прежде неизвестный санскритский словарь (также предположительно авторства Нагарджуны)⁴⁶.

⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 4. Д. 108. Краткая предварительная опись.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Согласно письму М.И. Тубьянского к Ф.И. Щербатскому от 24 октября 1931 г. (ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 218), речь могла идти про «четыре оды Нагарджуны, почти совпадающие с *Chatuhstava* (за исключением одной)», также их старинный тибет-

Однако для подобных глубоких философских изысканий было не самое подходящее время: в научной жизни Монголии, так же как и в СССР, наступил период борьбы с абстрактной «академичностью»⁴⁷. Исследования не должны были отрываться от запросов практической жизни. М.И. Тубянскому пришлось учесть в своей работе идеологические установки, и он акцентировал исследования на исторических аспектах буддизма: занялся сочинением Сумба-Хамбо «История буддизма в Индии, Тибете и Монголии»⁴⁸, которое готовил к печати, с алфавитным индексом собственных имен, и сочинением монгольского Чжедорин-Хамбо (XIX в.) «Реформационное движение в ламаизме» на тибетском языке, по которому осуществил перевод и комментариев. Кроме этого, он сделал перевод с комментарием другого текста того же автора, посвященный мистерии Цам. Помимо этого М.И. Тубянский занялся изучением источников по тибетской медицине. Он полагал, что эта тема могла выдержать жесткий идеологический контроль и вписаться в рамки марксистского принципа «практика как критерий истины». М.И. Тубянский подготовил на основании индийских, тибетских и монгольских источников «Словарь-справочник по индо-тибетской медицине» и публикацию статьи по этой проблематике⁴⁹.

Еще ближе к «запросам практической жизни» стала работа М.И. Тубянского по прикладным вопросам монгольского скотоводства. Он перевел на русский и опубликовал часть текста хозяйственного руководства «Наставления» То-Вана (1858)⁵⁰ и «Советы скотоводам», написанные членом Учкома Дорчжи по инициативе Михаила Израилевича. В последующие годы М.И. Тубянский сделал русский перевод (при участии профессора П.И. Иванова) еще двух сельскохозяйственных публикаций⁵¹.

Идеологическую корректность М.И. Тубянский смог соблюсти даже в своих философских изысканиях. В письме к Ф.И. Щербатскому он сообщал, что готовит работу по древнеиндийскому материализму,

ский перевод, не вошедший в Данжур, и санскритский словарь (Коша), приписываемый Нагарджуне.

⁴⁷ Юсутова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. С. 136.

⁴⁸ Эту работу осуществил в конце XX в. Р.Е. Пубаев. См.: Пубаев Р.Е. «Пагсам-чжонсан» — памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск, 1981.

⁴⁹ Тубянский М.И., Бельский С.Ю. К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. 1935. № 3 (10). С. 59–84.

⁵⁰ Тубянский М.И. Экономические главы из «Наставления» То-Вана // Современная Монголия. 1935. № 2. С. 30–48 (пер. с монг. яз.).

⁵¹ Тубянский М.И. К вопросу о пастбищном зимовании скота в МНР (Проблемы рационализации кочевничества) // Современная Монголия. 1936. № 4/5. С. 151–168; Буян-Чуултан. Скотоводческая техника чахаров. Улан-Батор, 1936 (пер. М.И. Тубянского и П.И. Иванова).

пытаясь представить его в связи с наукой и техникой того времени⁵². М.И. Тубянский опирался преимущественно на тибетские источники — историю философских воззрений школ (Сидданту) Джамьяна Шадбы и также Сидданту Жанжа-хутухты, с включением перевода главы Джамьяна, комментария монгольского автора Агвана Балдана и дополнениями из «Tarkajvala» и «Tattvasamgraha». Возвращаясь в Россию, М.И. Тубянский надеялся защитить диссертацию по подготовленным материалам.

В начале 1930-х годов произошли качественные изменения в положении АН СССР: ее деятельность была взята под тотальный контроль со стороны государства. В Монголии происходили сходные политические процессы, к которым М.И. Тубянскому как ученому секретарю Комитета наук приходилось приспосабливаться. Изменилось в целом и взаимодействие между Академией наук СССР и Комитетом наук Монголии. Ушел в прошлое период личных контактов между С.Ф. Ольденбургом и Ц.Ж. Жамцарано. Научное взаимодействие стало носить формализованный характер в рамках межгосударственных соглашений.

В 1930–1932 гг. произошло резкое обострение внутренней политической обстановки в Монголии, и работать российским ученым в таких условиях было не только трудно, но и опасно. В ответ на политику правительства по конфискации скота и имущества и антирелигиозные акции вспыхнули мятежи и восстания. В связи со сложным политическим положением в стране монгольское правительство резко сократило и так весьма скромное выделение средств на научную деятельность.

В связи с тяжелым финансовым положением Комитета наук практически прекратилась его исследовательская деятельность. Экспедиционная деятельность АН СССР в Монголии также была прекращена. М.И. Тубянский как ученый секретарь много сделал для поддержания научного сотрудничества с АН СССР, развития его новых форм и содержания. На нем лежала практически вся научно-организационная деятельность Комитета наук, именно он вел всю переписку между Академией наук и Комитетом наук, готовил разнообразные документы, разрабатывал и согласовывал планы, составлял отчеты и переводил документацию с русского на монгольский и наоборот.

Возвращение в Ленинград: 1936–1937 гг.

М.И. Тубянский вернулся в Ленинград в 1936 г. и встретил прежде хорошо ему знакомый востоковедный мир полностью изменившимся: умерли С.Ф. Ольденбург и его близкий коллега Е.Е. Обермиллер; не

⁵² ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 218. Письмо от 29.IX.1928.

стало Института буддийской культуры и Азиатского музея. На их базе в 1930 г. был организован Институт востоковедения АН СССР. Но, самое главное, изменился подход к научной работе, в которой преобладающее место занимало не решение научной проблемы, а соответствие «текущему политическому моменту». Академик Ф.И. Щербатской так описывал эти процессы: «Появились лица, пишущие статьи о современной Индии и даже целые диссертации по этому вопросу на основании газет „Таймс“ и „Манчестер Гардиан“ и воображающие себя учеными-индологами <...>. Но эти лица, по крайней мере, знакомы с английским языком. Имеются и такие, которые ни одного языка не знают. Между тем некоторые из них получили назначение в провинциальные университеты на кафедры истории колониальных и полуколониальных стран <...>. Число таких квазизнатоков Индии все увеличивается»⁵³. Ф.И. Щербатской пытался бороться с новыми веяниями в востоковедении, в частности в индологии. По его настоянию произошло разделение отдела Индии на новоиндийский и древнеиндийский сектора (Индо-тибетский кабинет), заведующим которого он стал и куда пригласил работать вернувшегося из Монголии М.И. Тубянского. В плане его научно-исследовательской работы на 1937 г. значилась история бенгальской литературы. Кроме того, М.И. Тубянский пытался продолжить свои монгольские работы, в частности публикацию полного текста «Наставления» То-Вана с монгольским оригиналом, полным переводом, комментарием и словарем⁵⁴, что, с одной стороны, являлось интересной исследовательской задачей, а, с другой стороны, было актуально с практической точки зрения.

Но все планы были разрушены арестом. По нашему мнению, судя по архивным документам, М.И. Тубянский догадывался и, как мог, готовился к аресту. В апреле 1937 г. Михаил Израилевич успел развестись с женой — Н.А. Тубянской⁵⁵. Мы полагаем, что благодаря этому она не была арестована. Несмотря на надвигающуюся опасность, М.И. Тубянский ни на один день не прекращал научную деятельность, до самого ареста продолжал обсуждать с Ф.И. Щербатским проблемы буддологии⁵⁶. 10 августа 1937 г. был арестован Ц.Ж. Жамцарано, а 12 августа того же года — М.И. Тубянский. Через неделю, 20 августа 1937 г., в Институте востоковедения был вывешен приказ № 33, параграф третий которого гласил: «С 15 августа 1937 г. отчислить из числа сотрудников Института востоковедения <...> и.о. старшего научного

⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 53. Документы о деятельности в ИВ АН СССР (1936–1940). Л. 1.

⁵⁴ Там же. Оп. 4. Д. 108. Краткая предварительная опись.

⁵⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 64. Свидетельство о прекращении брака № 258.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 218. Письмо Тубянского Щербатскому от 23.VII.1937.

сотрудника Индо-тибетского кабинета М.И. Тубьянского, старшего научного сотрудника Монгольского кабинета Ц.Ж. Жамцарано»⁵⁷.

Ц.Ж. Жамцарано был обвинен в шпионской деятельности и объявлен «руководителем японской диверсионной и повстанческой организации», поддерживающей связь «с японским агентом Ианчен-Богдо»⁵⁸. М.И. Тубьянский и другие арестованные по этому делу, как выяснилось позднее, «о шпионской деятельности Жамцарано показали с его слов и со слов других лиц, сами же ничего конкретного о преступной деятельности последнего не показали»⁵⁹. Советские газеты писали про «буржуазных националистов» в советском и партийном аппарате Бурят-Монголии и их идеологическом вредительстве: «Проповедовались панмонголистские идеи. Печатались статьи в защиту ламства, проповедовалась общность коммунизма... с буддизмом»⁶⁰.

19 сентября 1937 г. Михаил Израилевич Тубьянский был приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания и расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 г.

Научное наследство М.И. Тубьянского после его гибели, как это часто бывало, пропало. Российский буддолог А.А. Терентьев, подготовивший полный перевод сочинения «Этапы пути к Пробуждению» (*Ламрим*) Чже Цонкапы, пытался отыскать архив М.И. Тубьянского, но его усилия оказались тщетны. Как пишет А.А. Терентьев, «попытки отыскать его фундаментальный труд не увенчались успехом — его не было ни в архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР⁶¹, ни в архиве Щербатского. Раздумывали мы о судьбе этой рукописи в конце 1970-х годов вместе с Брониславом Ивановичем Кузнецовым, у которого я в то время изучал тибетский язык... Лишь косвенным путем нам удалось выяснить, что большая часть архивов, конфискованных в тот период, хранилась в Петропавловской крепости, была испорчена наводнением и уничтожена. Нам сказали, что нет никакой надежды, что рукопись сохранилась. Попытались мы отыскать экземпляр перевода в Монголии, но услышали лишь печальную историю, рассказанную академиком Дамдинсуреном, о том, как в молодости он встретил близ Улан-Батора телегу, сопровождаемую монгольскими чекистами, и узнал, что на этой телеге везли жечь оставшиеся в Монголии бумаги М. Тубьянского»⁶².

⁵⁷ Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient*. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 27.

⁵⁸ Речь идет о Панчен-ламе, втором по статусу религиозном иерархе Тибета.

⁵⁹ Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано. С. 48.

⁶⁰ Там же. С. 27.

⁶¹ ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Сейчас — Институт восточных рукописей РАН.

⁶² Терентьев А.А. Предисловие от редактора // *Чже Цонкапа*. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. Т. 1. СПб.: Нартанг, 1994. С. XI.

Многие подготовленные и задуманные М.И. Тубянским работы остались неопубликованными. Через полвека интерес к источникам, которыми он занимался, вернулся вновь, их стали изучать и переводить. Так, в частности, на русском был издан труд Чже Цонкапы «Большое руководство к этапам пути Пробуждения». Авторы этого издания в предисловии указали, что именно Михаил Тубянский был первым русским ученым, осуществившим перевод этого текста.

М.И. Тубянский прожил короткую жизнь. Монгольский период составляет существенную ее часть. Его научные труды этого периода практически все были уничтожены. Судить о них мы можем лишь по его письмам и отчетам. Деятельность М.И. Тубянского как ученого секретаря Комитета наук еще не оценена по достоинству. Одно можно сказать с уверенностью: Монголия предоставила ему уникальную возможность реализовать свои исследовательские планы, и, судя по его письмам, он был счастлив работать в Монголии.